

СЕЙМУР БЕККЕР

РОССИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

БУХАРСКИЙ ЭМИРАТ
И ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО
ПРИ ВЛАСТИ
ИМПЕРАТОРОВ
И БОЛЬШЕВИКОВ

1865 — 1924

Сеймур Беккер

**Россия в Центральной Азии.
Бухарский эмират и Хивинское
ханство при власти императоров
и большевиков. 1865–1924**

«Центрполиграф»

УДК 94(575.1)
ББК 63.3(5)

Беккер С.

Россия в Центральной Азии. Бухарский эмират и Хивинское ханство при власти императоров и большевиков. 1865–1924 / С. Беккер — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5951-9

Сеймур Беккер, американский историк, специализировавшийся на истории Российской империи конца XIX — начала XX в., в своем труде описывает поход на древние узбекские ханства — Бухару и Хиву и последующие отношения между Россией и двумя этими протекторатами. Автор показывает, как царское правительство смогло сохранить фактически анклавам России определенную политическую автономию. Но бурное развитие торговли и рост русских поселений положили конец изоляции ханств, а когда во время Первой мировой войны в Хиве разразилась гражданская война, Россия отказалась от политики невмешательства. Настоящая книга представляет собой также увлекательное исследование дворцовых интриг, этнического соперничества и экономической напряженности, описание обычаев и характера этой самобытной области, перекрестка древнего пути Восток—Запад... В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(575.1)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5951-9

© Беккер С.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Центральная Азия до завоевания Россией	9
Краткое описание Бухары и Хивы	11
Россия и Центральная Азия к 1853 г	14
В преддверии завоевания, 1853–1864 гг	16
Экономические причины завоевания	20
Глава 2	23
Проблема Ташкента	23
Разрыв с Бухарой	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сеймур Беккер

Россия в Центральной Азии. Бухарский эмират и Хивинское ханство при власти императоров и большевиков. 1865—1924

Seymour Becker
RUSSIA'S
PROTECTORATES IN CENTRAL ASIA
BUKHARA AND KHIVA
1865–1924

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2024
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2024

Введение

С конца XV века человечество переживает беспрецедентный период в истории. Начиная с путешествий Колумба и Васко де Гамы Запад установил контакты со всеми как цивилизованными, так и примитивными обществами на земном шаре, и его влияние стало жизненно важной силой, меняющей жизнь и особенности незападных обществ. Этот феномен радикального изменения незападных обществ, когда-то названный «вестернизацией» и заведомо считающийся признаком неизбежного прогресса человечества, за прошедшее десятилетие все больше привлекал к себе внимание ученых социологов и историков под маркой «модернизации». Модернизацию нельзя просто приравнять к вестернизации, поскольку тот способ, которым модернизируется конкретное общество, всегда существенно зависит от исторического опыта этого общества, взглядов и институтов, унаследованных им от прошлого. Однако концепция модернизации предполагает генеральную линию развития, базовые черты которой впервые проявились на Западе после Реформации и стали известны незападным обществам в результате европейской экспансии. В отношении модернизации самой значимой фазой западной экспансии стал период нового империализма последней трети XIX века, когда ведущие страны Запада сами вступили в период модерна в своем экономическом, социальном и политическом развитии. Кроме того, в этот период западный человек завершил процесс установления постоянных связей со всеми своими соседями по земному шару, включая обитателей самых потаенных уголков Азии, Африки и Америки.

Роль России в этой общемировой драме была уникальной, как роль ее протагониста и одновременно антагониста. Став объектом западной экспансии в XVI и XVII веках, Московская Русь отреагировала на это, позаимствовав у домодернистского Запада технические, военные и административные знания, которые ее правители, в особенности Петр Великий, считали необходимыми для обеспечения безопасности от своих западных соседей. Наследники Петра продолжали эту политику, пока в XIX веке самодержавие, значительная часть дворянства и бюрократии не сформировали в российском обществе абсолютно западную элиту. Однако идея всеобъемлющего радикального преобразования российского общества по образцу, намеченному французской революцией и промышленными революциями на Западе, привлекала лишь незначительную по численности и слабую в политическом отношении интеллигенцию. Но даже она до конца XIX века в целом отвергала индустриализацию. Российская власть до 1917 года так и не создала программы модернизации. Жизненно важные шаги в сторону модернизации, предпринятые после 1855 года, такие как освобождение крепостных и строительство железных дорог, были сделаны по необходимости робкими и ограничены уступками старого режима, который до самого конца больше всего боялся социальных и политических изменений.

Несмотря на исключительно традиционный и незападный характер русского общества, русское государство в XIX веке было значительно вестернизировано, чтобы противостоять если не экономическим, то политическим и военным угрозам со стороны нового империализма. Россия фактически сформировала на Дальнем и Ближнем Востоке и в Центральной Азии империю, равную западным державам. В отношении своих сухопутных соседей Россия была тем же, чем Запад был для своих заморских соседей – державой, технологическое и организационное превосходство которой делало их беззащитными перед ее экспансионистскими устремлениями. В допетровский период Московия по отношению к туркам и китайцам могла считаться в лучшем случае равной, но к XIX веку планы вестернизированного Российского государства в отношении Османской и Маньчжурской империй ограничивало скорее ревностное отношение западных соперников, чем оборонительные возможности обоих этих государств. В Центральной Азии к XIX веку мощь России тоже была практически непреодолимой. Начиная с 1820-х годов движение русских войск на юг от зоны сибирских лесов через

засушливую казахскую степь в поисках безопасных границ и надежных соседей не прекращалось до тех пор, пока граница России не утвердилась в оазисах Центральной Азии. Одним из результатов этой экспансии стало подчинение Бухарского и Хивинского ханств их могучему северному соседу.

Бухара и Хива были единственными владениями последних трех русских царей, сохранившими местных правителей и существенную степень политической автономии. Высокое культурное развитие этих двух ханств (результат традиции, восходящей к VIII в. до н. э.) и их относительная политическая и социальная стабильность давали им преимущество в глазах Петербурга перед примитивными и анархическими племенными группами казахской степи и пустыни Каракум, которые были переведены под прямое управление России. В то же время Бухара и Хива не имели ни контактов с Западом, ни основы для национальных движений, которые могли бы угрожать доминированию России и, таким образом, как в случае с Польшей и Финляндией в конце XIX века, привести к лишению их политической автономии. Короче говоря, с точки зрения имперского правления Бухара и Хива были почти идеальными колониями, предоставлявшими все политические и военные преимущества для контроля и не требовавшими больших затрат как людских, так и финансовых для управления ими.

Вследствие того, что Петербург устраивало иметь сателлитов, а не подданных, Бухара и Хива гораздо меньше подвергались модернизационным влияниям (технологическому, индустриальному и интеллектуальному) нового империализма, чем другие российские колонии, которые, в свою очередь, сильно отставали в этом отношении от владений Британии и Франции. Фактически, чтобы защитить свои интересы в этих ханствах, власти Российской империи сознательно минимизировали эти разрушительные влияния, так что традиционная культура Бухары и Хивы в значительной степени сохранялась.

Падение старого режима в России в 1917 году кардинально изменило картину. Ориентированная на Запад интеллигенция взяла власть в свои руки и высказалась за радикальную модернизацию, затронувшую все народы прежней империи, хотя в жизненно важных вопросах конкретного характера и шагов этой трансформации согласия между либералами, сторонниками аграрного социализма и марксистами не было. Программа модернизации, спешно разработанная в первое десятилетие правления большевиков, была после 1928 года безжалостно реализована в Бухаре и Хиве, как и в других частях бывшей империи, и принесла с собой все преимущества и проблемы общества модерна в его коммунистической советской форме. Несмотря на то, что по сравнению с СССР в целом советская Средняя Азия была отсталой, в 1960-х годах она оказалась на десятилетия впереди своих соседей Ирана и Афганистана, сменив безопасность старых семейных традиций на захватывающие вызовы и возможности современности.

Предметом данного исследования являются шесть десятилетий, предшествовавших началу этой трансформации Бухары и Хивы. В нем рассматриваются мотивы и методы расширения русского контроля над ханствами, политика имперских властей, проводимая в отношении этих двух протекторатов после их завоевания, причины этой политики, трудности, с которыми она сталкивалась, и судьба Бухары и Хивы, оказавшаяся в руках революционных преемников царей. Цель состоит в том, чтобы добиться более точного понимания того, какой путь эти два традиционных общества прошли под влиянием западного модерна при посредничестве вестернизированного русского государства Романовых и большевиков.

Замечания в отношении указания дат

Все даты до января 1918 года за исключением тех случаев, когда это указано специально, приведены согласно юлианскому календарю, то есть по старому стилю, который отставал от грегорианского календаря, или нового стиля, на 12 дней в XIX веке и на 13 дней в XX веке. В случаях, когда используются оба стиля, они даны с разделением с помощью косой черты.

Большевистская календарная реформа вступила в силу 1 февраля 1918 года, и, начиная с этой даты, используется только грегорианский календарь.

Часть первая Русское завоевание

Глава 1 Ситуация в Центральной Азии

Центральная Азия до завоевания Россией

Если природа, по словам историка XIX века Соловьева, была для России мачехой, то она едва ли была более великодушна к Центральной Азии. Центрально-Азиатская равнина, эта неприветливая пустыня, разбавленная лишь плодородными, но редкими оазисами, лежащими вдоль рек, которые питают тающие снега величественных гор, простиралась на восток и юго-восток от Каспийского моря. Тем не менее, несмотря на скупость природы, в прошедшие века Центральная Азия обладала одним огромным преимуществом, которым было ее географическое положение. Расположенная на северо-восточном краю той части Старого Света, где человек впервые изобрел технику обработки земли, одомашнил животных, научился работать с металлом и создал первые городские, знакомые с грамотой общества, Центральная Азия рано стала участницей этих революционных изменений. После того как цивилизация распространилась на запад и на восток, самые удобные сухопутные маршруты, соединившие мир Средиземноморья, Индию и Китай, пролегали через Центральную Азию. До тех пор, пока эти маршруты оставались главными артериями для торговли и общения между тремя основными центрами цивилизованной жизни, Центральной Азии была гарантирована лидирующая роль в мировой истории. Со II века до н. э. и до XV века н. э. обитатели оазисов Центральной Азии извлекали выгоду из своего местоположения на перекрестке Евразии и дважды поднимались до культурного лидерства: в X, а затем еще в XV веке. Однако даже географическое положение этого региона было палкой о двух концах. Расположенная между Иранским нагорьем на юго-западе – местом, которое с VII века до н. э. населяли цивилизованные общества, – и евразийской степью на севере – местом, где до первой половины XIX века обитали свирепые кочевники, – Центральная Азия надолго стала полем борьбы цивилизации и кочевничества, являясь поочередно то местом наступления на северо-восток для первой, то вожаемой добычей для второго.

В начале XVI века произошли три важных события, навсегда изменившие ход истории Центральной Азии. Самым значимым стало открытие португальцами прямого морского пути из Западной Европы в Индию и Китай, которое лишило Центральную Азию ее стратегического и коммерческого значения. Одновременно с этим территория Центральной Азии подверглась нападению последних кочевников-завоевателей – узбеков, нашествие которых привело к упадку материального благосостояния и культурной деятельности. Финальным ударом стало обращение Ирана в шиитскую ересь, благодаря чему Центральная Азия оказалась отрезана от прямых контактов с миром ортодоксального ислама Ближнего Востока. С начала XVI и до середины XVIII века Центральная Азия переживала неуклонный спад в политике, экономике и культуре.

Узбеки представляли собой группу кочевых мусульманских племен, говоривших на тюркском языке и имевших смешанное тюркско-монгольско-иранское происхождение. В XIV и XV веках они обитали в той части евразийской степи, которая расположена между рекой Урал и низовьями Сырдарьи, и находились в некоторой зависимости от правителей из династии внука Чингисхана Шейбана. В первой декаде XVI века один из этих правителей, Мухам-

мад Шей-банихан, завоевал всю Центральную Азию от Иранского нагорья и Гиндукуша. После гибели Шейбанихана в битве с персами в 1511 году его преемники основали на руинах его завоеваний два ханства: Бухару и Хорезм. После того, как в XVII веке столица Хорезма была перенесена из Ургенча в Хиву, он стал известен как Хива. Когда династия Шейбанидов подошла к концу – в Бухаре в 1598 году, в Хиве в 1687-м, – к экономическому и культурному упадку добавилась политическая дезинтеграция. Внешние области обоих ханств откололись, сформировав независимые княжества, в то время как в центре власть захватила племенная узбекская аристократия. Различные узбекские племена воевали между собой за контроль в обоих государствах, в то время как реальной властью обладали придворные сановники (аталык – в Бухаре, инак – в Хиве), а династические правители правили лишь номинально. В Бухаре один из отпрысков низложенной династии астраханских султанов основал слабую династию Аштарханидов, а в Хиве быстро меняющихся ханов выбирали среди многочисленных казахских султанов Чингизидов. В 1740-х годах история злоключений Центральной Азии завершилась вторжением Персии и временной персидской оккупацией.

Век, предшествовавший российскому завоеванию, был отмечен политической консолидацией и экономическим оживлением под властью новых династий в двух наиболее старых государствах, а также появлением третьего узбекского ханства. В Бухаре члены племени мангытов, с 1747 года служившие аталыками, стали в 1785 году преемниками последнего из Аштраханидов на троне, получив титул эмиров. В Хиве члены племени кунгратов правили ханством с 1763 года как инаки, а с 1804-го как ханы. И мангытская, и кунгратская династии правили своими ханствами вплоть до 1920 года. В Ферганской долине, традиционно являвшейся частью Бухарского ханства, столетие углублявшейся автономии закончились в конце XVIII века появлением независимого Кокандского ханства. (Здесь явно ошибка, поскольку независимое государство, позднее получившее название Кокандского ханства, было создано в 1710 г. – *Пер.*)

И в Бухаре, и в Хиве в первой половине XIX века наблюдалось усиление ханской власти в ущерб узбекской племенной аристократии. В Хиве хан Мухаммад Рахим I (1806–1825) конфисковал земли знати и раздал их своим верным сторонникам. Эмир Насрулла (1826–1860) подорвал власть бухарской аристократии, создав постоянную профессиональную армию и назначив на высокие государственные должности рабов персов и туркмен.

Централизация достигалась не только внутри каждого государства, но и за счет мелких княжеств, которые возникли в период упадка центральной власти. Тем не менее многие независимые и полунезависимые княжества продолжали существовать и во второй половине XIX века. Бухара, которой правили мангиты, постоянно подвергалась грабительским набегам со стороны Шахрисабза, государства, которое не только сумело отстоять свою независимость, но пыталось захватить бухарские территории и предоставляло убежище оппозиционным элементам этого ханства. Расположенные к востоку от Шахрисабза Гиссар и Куляб были подданными Бухары только номинально, тогда как Каратегин и Дарваз находились в таком же положении по отношению к Коканду.

Другие территории служили предметами спора между самыми крупными государствами. Бухара и Хива предъявляли права на Мерв и на левый берег низовий Сырдарьи. Самым серьезным было соперничество Бухары и Коканда. Предметом спора были не только районы Джизак, Ура-Тюбе, Ходжент, Ташкент и Туркестан, но и сама независимость Коканда. В 1839–1842 годах, а затем в 1863-м Бухара вторглась в Ферганскую долину, оккупировала ее и низвела Коканд до положения вассала. Военные столкновения между этими двумя государствами продолжались до тех пор, пока их физически не развели наступающие русские войска. Постоянная вражда между центральноазиатскими ханствами не позволила им сформировать единый фронт против русских захватчиков, а вмешательство Бухары во внутренние дела Коканда сразу стало причиной конфликта Бухары с Россией.

Восстановление внутривластной стабильности в Бухаре и Хиве сопровождалось экономическим оживлением. Снова расцвела городская жизнь, были отремонтированы и расширены оросительные системы, и в целом экономическое благосостояние Центральной Азии в XIX веке существенно превзошло его уровень в предшествующие века. Однако по сравнению с Центральной Азией XV века и даже с ее мусульманскими современницами, Турцией и Персией, Центральная Азия середины XIX века продолжала оставаться на крайне низком уровне как экономически, так и культурно.

Краткое описание Бухары и Хивы

Бухара и Хива XIX века были очень похожими и в то же время совершенно разными. Оба были автократическими мусульманскими государствами, состоявшими из различных этнических, а в случае Бухары и религиозных групп. В каждом из них большинство составляли узбеки-сунниты, из них же состояла политическая и социальная элита. Однако Бухара была больше и по размеру, и по численности населения, богаче и более урбанизирована. Ведущую роль в ее экономике играла промышленность и торговля. Эти два государства имели заметные географические различия и различную внутреннюю структуру управления.

Бухара, которая в конце XIX века имела площадь, превышавшую площадь Великобритании и Северной Ирландии, географически не была единой территорией. Западная часть ханства представляла собой плоскую равнину, где располагались три оазиса, разделенные пустыней. Эти три оазиса являлись демографическим, экономическим и политическим сердцем страны. Центральная часть Бухары состояла из плодородных долин, расположенных по берегам нескольких крупных притоков Амударьи и в близлежащих горах. В восточной части находились одни из самых высоких горных хребтов мира, разделенные лишь глубокими ущельями, быстрыми горными потоками и отдельными небольшими долинами.

Точная численность населения Бухары оставалась неизвестной до конца 1920-х годов, поскольку правительство эмира не испытывало нужды в этих данных и жители с подозрением относились к любым попыткам сбора статистической информации. Поэтому любые цифры могут рассматриваться только как грубые предположения. Обычно население Бухары к концу XIX века оценивается в 2,5 миллиона человек, из которых две трети жили в западных оазисах. 65 % от общей численности составляло оседлое население, 20 % – полукочевое и 15 % – кочевники. От 10 до 14 % населения проживало в городах. Самым большим городом, безусловно, была столица с населением 70 000–100 000 человек. Следующим по размеру был город Карши с 60 000—70 000 жителей, за ним шли Шахрисабз и Чарджоу с 30 000, за ними еще дюжина городов с населением от 4000 до 20 000 человек.

Если географически Бухара не представляла собой единое целое, то этнически она была еще менее однородной. Самыми ранними из известных обитателей Центральной Азии были иранцы, которые выжили, трансформировавшись в говорящих на иранском языке таджиков. Две другие крупные этнические группы образовали потомки тюркских завоевателей из евразийской степи. Туркмены появились здесь в X веке, но по-прежнему сохраняли свою этническую и культурную идентичность и кочевой образ жизни. Самыми недавними пришельцами были являвшиеся правящей группой узбеки. Под протекторатом России узбеки составляли большинство – 50–60 %, таджики – самое крупное меньшинство, порядка 30 %. Туркмен насчитывалось всего 5–10 %. Узбеки в основном проживали в оазисах Заравшан и Кашкадарья, а также в долинах рек центральной части Бухары. Таджики составляли большинство в горах центральной Бухары и были единственными обитателями гор восточного района. Туркмены составляли большинство по берегам Амударьи вверх по течению до самого Келифа. На востоке Каратегина проживало несколько тысяч киргизов – кочевого тюркского народа. Кроме того, во всех крупных городах имелись персы, евреи и индийцы.

Население Бухары было почти сплошь мусульманским, единственное исключение составляли численно незначительные, но коммерчески важные евреи и индийцы. Среди мусульман подавляющим большинством являлись ортодоксальные сунниты, но среди таджиков из центральной части Бухары было много шиитов-исмаилитов, а на востоке все население было исмаилитским.

Бухара была автократическим государством, управляемым наследственным монархом в соответствии с религиозным мусульманским правом и обычаями. Чтобы справиться с проблемой управления достаточно большой и населенной страной, в которой обитаемые районы были отделены друг от друга пустынями и горами, а связи между ними были затруднены особенно в центральной и восточной частях, в Бухаре была сформирована хорошо организованная центральная администрация, и вместе с тем существовала большая степень провинциальной автономии. На вершине административной системы стоял *кушбеги* (высший сановник), которому во второй половине XIX века было вверено в значительной степени реальное управление государством. Он руководил религиозной и гражданской ветвями центрального правительства, надзирал за провинциальными правителями и управлял столичным районом. Подчиненными кушбеги были *диванбеги* (министр финансов, казначей), которому, в свою очередь, подчинялся *закятчи-калан* (главный сборщик *закята* — налога на движимое имущество). Другими важными чиновниками центрального правительства, не зависевшими от кушбеги, были *кази-калан* (верховный судья), который вел все религиозные дела, решал вопросы права и образования, его подчиненный *ишан-раис* (главный полицейский и блюститель морали) и *топчибаши* (военный министр и командующий армией). Каждый из этих чиновников от диванбеги до топчибаши действовал в столичном районе лично и опосредованно через сеть подчиненных в провинциях. Все перечисленные выше чиновники назначались эмиром и отвечали непосредственно перед ним. Их полномочия не были четко определенными, что позволяло эмиру сохранять уверенный контроль над правительством. Даже кушбеги, обладавший большой властью, не мог ничего сделать без ведома эмира, независимо от важности вопроса.

Бухара делилась на столичный район и переменное число *беглыков* (ниже будет употребляться принятое в русском языке название «бекство». — *Пер.*) (провинций). Каждое бекство управлялось *бегом* (ниже будет употребляться принятая в русском языке транслитерация «бек». — *Пер.*) (на Востоке, где говорили на таджикском, он назвался «мир»), которому эмир фактически делегировал всю полноту власти над местными жителями, за исключением права решать вопрос жизни и смерти. Беков назначал эмир, который выбирал их из своих родственников и фаворитов. В наиболее важных бекствах беками, как правило, назначались сыновья эмира. Беки правили как мелкие князья, имели свой двор и свои войска. Часто для более надежного контроля какого-то удаленного бекства в центральной или восточной части Бухары эмир именовал назначенного бека наместником, наделяя его властью над другими беками на этой территории и правом выносить смертные приговоры. В каждом бекстве имелись свои *закятчи*, *казн* и *раис*, подчинявшиеся соответствующим столичным чиновникам. Эти многочисленные провинциальные чиновники со своими вертикалями ответственности должны были следить за злоупотреблениями других, но чаще система работала противоположным образом, и *казн*, *раис* и *закятчи*, вступив в сговор с беком, действовали в своих общих интересах.

Бекства, в свою очередь, делились на налоговые округа (по-русски *амлакдарства*), количество которых колебалось от двух (Бурдалык) до двадцати (Гиссар), в зависимости от размера бекства. Каждый округ управлялся *амлакдаром*, назначенным беком из его родственников и фаворитов, и его администрация повторяла в миниатюре структуру администрации бекства со своими *закятчи*, *казн* и *раисами*. Однако *амлакдар* был всего лишь сборщиком налогов, не обладавшим никакими другими функциями бека. На нижнем уровне управления каждый *кишлак* (деревня) выбирал своего *аксакала* (старейшину), который имел минимум обязанностей и являлся нижним элементом административной иерархии.

Ни один из наиболее важных членов этой огромной бюрократической машины не получал жалованья. Сановники центрального правительства зависели от милостей эмира в форме земельных угодий и других подарков, а также от сборов и штрафов, которые их ведомствам удавалось собирать с населения. Провинциальные чиновники жили за счет земли по образу, напоминавшему существовавшую в древней Московии систему «кормления»: каждый бек оставлял себе определенную долю собранных налогов, которую считал необходимой для содержания себя и своего двора, а разницу передавал эмиру.

Вся административная иерархия заполнялась почти исключительно узбеками. Поразительное исключение являла должность кушбеги, на которую, начиная с конца XIX века до 1910 года, неизменно назначались персы-рабы или их потомки. Таким образом уменьшалась политическая власть узбекской аристократии и обеспечивалась полная зависимость кушбеги от его хозяина-эмира.

Помимо светской и гражданской иерархии существовала полуофициальная религиозная иерархия во главе с кази-каланом. Он назначал *муфтиев* — знатоков *шариата* (мусульманского права), которых часто приглашали для рассмотрения судебных дел. Муфтии обычно выполняли функции *мударрисов* (преподавателей) в *медресе* (семинариях или школах). Кази, муфтии и *улемы* (ученые теологи) почти всегда были выходцами из социальных групп *сайидов* (реальных или воображаемых потомков дочери пророка) и *ходжи* (потомком трех первых халифов). Эти религиозные деятели вместе с наследственными социальными группами, из которых они происходили, и *муллами* (учеными людьми, не обязательно занимавшими религиозные должности) составляли влиятельный класс, заинтересованный в защите традиций и религиозной ортодоксии.

Хива, в отличие от своего более крупного соседа, обладала географической целостностью и компактностью. Хивинское ханство состояло из одного оазиса и той части окружающих его пустынь, которую могли контролировать его правители. Экономическим и политическим центром страны была южная часть оазиса, наиболее густонаселенная и интенсивно культивируемая. На дальнем севере находилась дельта Амударьи, покрытая почти непроходимыми зарослями кустарника и тростника и изрезанная бесчисленными устьями великой реки. Население Хивы в конце XIX века, вероятно, приближалось к 700 000–800 000 человек, из которых 72 % были оседлыми, 22 % — полукочевниками и 6 % — кочевниками, что примерно соответствует тем же пропорциям в Бухаре. Около 60 % населения жили в южной части оазиса. Только 5 % — в городах, почти в половину меньше, чем в Бухаре, а сами города были гораздо меньше, чем в Бухаре. Значительное количество постоянных жителей имелось только в столице (19 000 человек) и торговом центре Ургенч (всего 6000).

Несмотря на свою географическую цельность, этнически Хива была гомогенной не больше, чем Бухара. Большинство, близкое к 65 %, составляли в Хиве узбеки, а полукочевники-туркмены были крупным меньшинством в 27 %, что грубо соответствует размеру таджикского меньшинства в Бухаре. Узбеки доминировали в важной нижней части оазиса, тогда как полукочевники-туркмены занимали южные и западные окраины. На севере концентрировались две другие тюркские группы: в дельте реки жили полукочевники-каракалпаки, составлявшие 4 % населения, значительно меньшая группа кочевников-казахов обитала на северо-западной окраине оазиса. По своему вероисповеданию Хива была почти полностью суннитской, шиитские и немусульманские меньшинства практически отсутствовали.

Хивинский хан обладал такой же единоличной властью, как эмир Бухары. Однако административная структура, в основе своей схожая с бухарской, имела важные отличия, отражавшие географические отличия между двумя государствами. Благодаря тому, что Хива была маленьким компактным государством, ее центральное правительство могло обеспечивать себе реальную монополию власти, делегируя провинциальной администрации минимум полномочий. Однако формальная организация и разграничение функций были проработаны слабо.

Хивинский диванбеги был примерно эквивалентен бухарскому кушбеги, но обычно он исполнял еще обязанности командующего армией и сборщика закята. Южной и северной половиной страны управляли соответственно мехтер и кушбеги, чья власть ограничивалась сбором налогов. В целом власть любого сановника зависела больше от его личных взаимоотношений с ханом, чем от конкретного поста, который он занимал. В Хиве также существовали казикаланы и религиозная иерархия, но они обладали меньшим влиянием, чем их коллеги в Бухаре.

Хива делилась на столичный район и двадцать бекств. Бекства управлялись *хакимами*, власть которых была более ограниченной, чем власть бухарских беков. В отличие от Бухары национальные меньшинства в Хиве имели систему автономных местных правительств. В каждом бекстве туркмены, каракалпаки и казахи управлялись своими собственными племенными старейшинами, которые подчинялись непосредственно хану, а не местному узбекскому хакиму.

Накануне российского завоевания и Бухара, и Хива были классическими примерами традиционных доиндустриальных обществ: экономическая, социальная и политическая системы, технологии и интеллектуальные установки их правителей не демонстрировали существенных изменений с X века. Даже печатное дело не было им знакомо до российского завоевания. Контакты Центральной Азии с внешним миром, не считая России, ограничивались редкими дипломатическими обменами с Константинополем и еще реже с Персией и Китаем. История контактов Центральной Азии с Россией была давней, но они всегда носили ограниченный характер и не сопровождались существенным культурным взаимодействием.

Россия и Центральная Азия к 1853 г

Центральная Азия и территория, составляющая Европейскую Россию, поддерживали контакты с древнейших времен. Регулярный обмен товарами, которые доставляли караваны, ходившие через разделявшую их степь, датируется, по меньшей мере, VIII веком н. э. Наибольшего расцвета он достигал в периоды, когда в степи правил Хазарский каганат и Золотая Орда (с VIII по X и XIII–XIV века соответственно). В последний период связь была как экономической, так и политической, поскольку Россия представляла собой северо-западную оконечность движения Золотой Орды, а Хорезм – юго-восточную. После того как в конце XIV века Золотая Орда пришла в упадок, торговля продолжилась в меньшем масштабе. Бухарские и хорезмские купцы привозили свои товары в Казань и Астрахань для продажи и транспортировки в Москву, а иногда даже в Нижний Новгород.

Завоевание русскими Казанского и Астраханского ханств в 1552 и 1556 годах расчистило путь для контактов непосредственно через казахскую степь. После завоевания Астрахани и Бухара, и Хорезм в тот же год отправили посольства к Ивану IV (1530–1584), чтобы получить дозволение свободно торговать на Руси. В 1558 году английский купец-авантюрист Энтони Дженкинсон посетил Центральную Азию в качестве первого официального английского посла в этом регионе. На следующий год он вернулся в Россию в сопровождении посланников Бухары, Хорезма и Балха (Балх – древний город в Афганистане, культурный и торговый центр. – *Пер.*). После этого дипломатические отношения поддерживались нерегулярно, но достаточно часто.

Основным предметом, интересовавшим посольства из Центральной Азии в XVII веке, была коммерция. Бухарские и хивинские купцы вели активную торговлю, доставляя свои товары в Астрахань, Самару, Казань, Нижний Новгород, Ярославль и в саму Москву. В то же время русские купцы в Центральной Азии практически не торговали. Бухара и Хива относились к иностранцам, в особенности к немусульманам, очень подозрительно, а центральноазиатские купцы ревностно блюли свою прибыльную монополию на торговлю с Россией. Московские посольства этого периода преследовали две основные цели: освобождение русских рабов

(в основном рыбаков и торговцев, захваченных во время казахских и туркменских набегов на земли, прилегающие к Каспийскому морю, и проданных в рабство в Хиве и Бухаре), а во второй половине этого столетия – сбор информации о торговых путях в Индию. В обоих направлениях русские усилия были одинаково безуспешны.

Царствование Петра I (1682–1725) было отмечено изменением характера отношений России и Центральной Азии. Петр надеялся извлечь выгоду из «трудных времен» в Бухаре и Хиве, поставив эти государства в зависимость от России с конечной целью открыть русской торговле путь через Центральную Азию в Индию. В течение первых десяти лет XVIII века хивинский хан дважды просил и получал номинальное дозволение перейти под власть русского царя, используя это как тактический ход в своем соперничестве с Бухарой. Подобный жест был формальным, он не имел реального значения и не остановил Петра от отправки против Хивы в 1717 году военной экспедиции с целью заставить хана признать русское владычество и разрешить пребывание русского военного гарнизона в его столице и за его собственный счет. Попытка не удалась, и вся экспедиция была перерезана хивинцами.

После Петра русская власть отказалась от политики прямого проникновения в Центральную Азию в пользу более традиционных целей: улучшение торговых отношений, освобождение русских рабов и открытие торгового пути в Индию. Несмотря на рост торговли, России не удавалось добиться прогресса по двум другим пунктам. Среди русских рабов, оказавшихся в Центральной Азии, были колонисты, захваченные казахами на недавно учрежденной границе в районе Оренбурга. В течение XVIII века внимание России было сосредоточено на усмирении казахских кочевников, которые номинально являлись ее вассалами, но продолжали совершать набеги на русскую границу и торговые караваны, ходившие между Россией и Центральной Азией.

С 1824 по 1854 год русские войска успешно оккупировали казахскую степь, впервые в истории поставив всю степь под власть оседлого общества. Наступление России сильно усугубило русско-хивинские трения, создав для этих держав конфликт за власть над казахами, обитавшими между Каспийским морем и низовьями Сырдарьи. К старым проблемам добавилась проблема практиковавшейся в Хиве жесткой правовой дискриминации русских купцов, которые только что начали проникать в Центральную Азию. В попытке решить эту проблему силой Россия в 1839–1840 годах отправила вторую экспедицию против Хивы. Попытка оказалась еще менее успешной, чем предыдущая, поскольку из-за сложного ландшафта и плохой погоды экспедиции не удалось даже добраться до Хивы. Очевидно опасаясь очередных российских нападений, хивинский хан в 1840 году передал часть русских рабов и запретил своим подданным устраивать набеги на русскую территорию и покупать русских пленных. В 1842 году хан согласился на бумаге на требования, врученные ему в 1841 и 1842 годах русскими миссиями, но свои обещания он так и не выполнил.

В 1840-х и 1850-х годах цели России в Центральной Азии носили как экономический, так и политический характер. Бухару и Хиву следовало убедить отказаться от любых враждебных действий против России, включая владение русскими рабами и предоставление убежища казахским подданным России, бежавшим от русского правосудия. Хива, в частности, должна была прекратить плести интриги среди казахских подданных России, нападать на караваны, ходившие вдоль Сырдарьи, и уничтожить укрепления, построенные на реке для поддержания этих атак. В коммерческой сфере русским купцам должны были разрешить свободно торговать в Бухаре и Хиве наравне с местными торговцами. Ханства должны были гарантировать безопасность русских купцов и их имущества, освободить их от лишних поборов (в 1841 году Россия потребовала, чтобы ввозные пошлины на русские товары не превышали 5 %, в 1858-м потребовала их снижения до 2,5 %), разрешить беспрепятственный проход караванов и провоз товаров через Центральную Азию в соседние государства (такие как Афганистан и Кашгар) и допустить пребывание в Бухаре и Хиве русских торговых представителей. В конце 1850-х

годов Россия добавила к этому свободное прохождение русских судов по Амударье. Ни одно из этих требований не было выполнено, пока и Бухара, и Хива не потерпели военного поражения и не были вынуждены признать протекторат России.

Не претендовавшая на власть над степными казахами и, кроме того, служившая главным торговым партнером России в Центральной Азии, Бухара сохраняла достаточно хорошие отношения с Россией, но до тех пор, пока последняя ограничивала свои действия степью. Однако отношения России с Хивой и Кокандом были неразрывно связаны с ее стремлением обезопасить себя от кочевников с южных окраин степи, о своей юрисдикции над которыми заявляли и Хива, и Коканд. Строительство русского укрепления в устье Сырдарьи в 1847 году впервые привело Россию к прямому физическому контакту с Хивой и Кокандом, за чем быстро последовало расширение русской территории за счет центральноазиатских ханств. В 1853 году была захвачена кокандская крепость Ак-Мечеть в низовье Сырдарьи.

Теперь русские войска стояли на пороге Центральной Азии. До тех пор, пока граница России пролегла по региону, где обитали хищные кочевые казахи, остановка дальнейшего русского наступления и установление стабильной безопасной границы выглядело крайне маловероятно. Задача окончательного усмирения грабителей-кочевников, которые могли свободно пересекать границу и находить приют в части пустыни, контролируемой другими государствами, была бы слишком сложной при любых обстоятельствах. А тот факт, что эти государства – Коканд и Хива – религиозно, этнически, культурно и политически были ближе к кочевникам, чем к России, делало задачу поистине неразрешимой. В результате дальнейшее наступление России было неизбежным.

В преддверии завоевания, 1853–1864 гг

С 1853 по 1864 год Россия заложила фундамент для завоевания Центральной Азии. Большую часть этого времени важнейшей проблемой России являлась защита границы. Система укрепленных пограничных постов, созданная в первой половине XVIII века и тянувшаяся непрерывной дугой от устья реки Урал до верховий Иртыша, в середине XIX века была заменена новой, пока еще не завершенной границей на противоположном краю казахской степи. На западе вновь установленная граница по Сырдарье протянулась только от устья этой реки до Ак-Мечети, переименованной в Перовск. На востоке новая сибирская граница протянулась вниз от Иртыша до реки Или. Между Перовском и Или оставалась брешь длиной почти 600 миль. От Аральского моря до реки Урал границы не было вообще, только отдельные русские форты.

Вопрос о закрытии бреши между Перовском и Или и установлении единой непрерывной линии укреплений от Аральского моря до Иртыша впервые был поднят в 1853 году генерал-губернатором Западной Сибири генералом Г.Х. Гасфордом. Петербург, который переживал глубокий кризис, предшествовавший началу Крымской войны, санкционировал продление новой сибирской линии только через реку Или. В результате в 1854 году как конечная точка этой линии был основан город Верный. В 1858 году генерал-губернатор Оренбурга А.А. Катенин снова поднял этот вопрос. Он заявил министру иностранных дел, что *status quo* неприемлем и что унификация пограничных линий и оккупация Туркестана и Ташкента – необходимые условия стабильности русских границ в Центральной Азии. Позже Катенин предположил, что после завоевания Ташкента следует отправить военную экспедицию в Бухару, чтобы урегулировать отношения с этим ханством. Новый император Александр II (1855–1881) и его министр иностранных дел А.М. Горчаков, оба очень осторожные в международных делах, отвергли предложение Катенина. Несомненно, важную роль в решении отложить наступление в Центральной Азии сыграла царившая в первые годы нового царствования обеспокоенность вопросом освобождения крепостных крестьян, а также желание избежать обострения отношений с Великобританией после ужасной Крымской войны.

Во время этой войны проблема Центральной Азии приобрела новое измерение в дополнение к защите границы. Новой опасностью представлялось конкурирующее английское влияние в этом регионе. Обеспокоенность тем, что Англия вытеснит Россию из Центральной Азии, возникла в 1830-х годах, когда в Бухаре и Хиве впервые появились английские представители. Однако в 1842 году Англия отозвала их после поражения в первой англо-афганской войне, а также после того, как двое английских агентов были подвергнуты пыткам и казнены эмиром Бухары. В 1854 году страхи Петербурга снова воскресли из-за действий турецких посланцев, которые пытались склонить центральноазиатские ханства к союзу с Портой (и косвенно Великобританией, покровительствовавшей султану) против России. Турецким планам помешала древняя вражда между местными державами. Но два года спустя Россию снова взбудоражили сообщения об английских агентах в Коканде, Хиве и среди туркмен. В 1850-х годах не менее тревожным фактом стало завоевание эмиром Кабула Дост Мухамадом, который с 1855 года был британским союзником, областей в Северном Афганистане, ранее подконтрольных Бухаре. В год, последовавший за окончанием Крымской войны, русские позиции еще больше ослабели из-за давления Британии на русского протекже Персию, которая была вынуждена оставить независимое государство Герат и предоставить коммерческие привилегии британским торговцам.

Храбрый молодой офицер полковник Н.П. Игнатъев, служивший русским военным атташе в Лондоне, в ответ на эти события предложил усилить русский политический контроль на Амударье. Он подчеркивал дипломатические и экономические преимущества таких действий: только в Азии у России была надежда успешно бороться с Англией, и только в Азии русская промышленность и торговля успешно конкурировали с промышленностью и торговлей других европейских государств. В 1858 году Игнатъева отправили в Хиву и Бухару, чтобы попытаться урегулировать разногласия с этими странами и усилить русское влияние в ущерб британскому. Одновременно с этим знаменитый ориенталист Н.В. Ханыков был послан в Афганистан, чтобы убедить афганских князей, что Россия «желает не ослаблять ханства, а по возможности усилить их. Мы хотим доказать им, что наши собственные интересы требуют создания бастиона, противостоящего британскому стремлению к завоеваниям». Но ни одна из этих дипломатических миссий не смогла решить проблему соперничества России и Британии в Центральной Азии. В январе 1860 года Петербург снова получил донесения об усилении британского влияния и англо-афганского давления на Бухару.

Два сделанных в 1861 году персональных назначения подготовили почву для возобновления российского продвижения в сторону оазисов Центральной Азии. Д.А. Милютин был назначен военным министром, а Игнатъев, который к тому времени стал генералом, получил должность директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Оба были яркими сторонниками военных завоеваний в Центральной Азии. Решение возобновить наступление было принято неожиданным образом. В конце 1861 года новый генерал-губернатор Оренбурга А.П. Безак предложил незамедлительно объединить Сырдарьинскую и Новосибирскую пограничные линии и оккупировать Туркестан и Ташкент. План Безака обсуждался в марте 1862 года и еще раз в феврале 1863-го специальным комитетом, куда входили министр финансов М.Х. Рейтерн, Горчаков, Милютин, Безак, Игнатъев и бывший директор Азиатского департамента Ковалевский. В результате возражений Рейтерна, с которыми был согласен Горчаков, предложение Безака положили под сукно, несмотря на мягкую защиту Милютина. Чтобы убедить консервативного императора и правительство, требовалось нечто более сильное, чем слова. Комитет смог санкционировать только разведывательные экспедиции для изучения региона между конечными точками двух пограничных линий.

В июне 1863 года полковник М.Г. Черняев, командир одной из исследовательских миссий и начальник штаба генерала Безака, в нарушение его приказа захватил крепость Сузак и объявил, что этот населенный пункт находится под защитой России. Дерзкий поступок Черняева оказался тем самым, что требовалось Петербургу. Вместо того чтобы осудить Черняева за

нарушение приказов, Милютин 7 июля 1863 года оправдал взятие Сузака перед Горчаковым, назвав его шагом в направлении соединения пограничных линий. Военный министр заявил, что единая непрерывная граница более экономична в содержании, а обладание Центральной Азией станет существенным дипломатическим преимуществом в отношениях с Англией: «На случай войны в Европе нам следует особенно ценить обладание этим регионом, который даст нам выход к северным границам Индии и облегчит доступ в эту страну. Управляя Кокандом, мы сможем постоянно угрожать владениям Англии в Ост-Индии. Это особенно важно, поскольку только в этом месте мы можем представлять опасность для этого нашего врага». Министра иностранных дел убедило то, что он назвал «успешные действия полковника Черняева, не требовавшие специальных расходов». В своем ответе Милютину 16 июля Горчаков поддержал соединение границы. В дальнейшем политика, проводимая военной партией (Милютин, Безак, Игнатьев), возобладала над консервативным подходом министров финансов и иностранных дел. 20 декабря 1863 года император приказал Милютину в следующем году продолжить действия по объединению Сырдарьинской и Новосибирской пограничных линий.

Приказ императора был исполнен за девять месяцев. Один отряд наступал из Перовска и взял Туркестан, другой, под командованием Черняева, вышел из Верного и захватил город Аулие-Ата. 22 сентября 1864 года под совместным напором обоих отрядов пал Чимкент. Давняя цель России была достигнута: единая граница, расположенная в плодородном регионе, заменила две несвязанные линии аванпостов в засушливой степи. Черняев получил звание генерал-майора и стал командующим новой Кокандской линией, находившейся в ведении генерал-губернатора Оренбурга.

Несмотря на то что удалось создать безопасную границу, традиционные причины недовольства России центральноазиатскими ханствами, как и угроза английского влияния, не были устранены. Тем не менее на время Петербург остался доволен достигнутыми успехами. И только упрямого Черняева не остановили ограничения, которые хотело бы установить осторожное правительство. Всего через пять дней после падения Чимкента Черняев без разрешения своего начальства пошел на Ташкент – самый большой город и экономический центр Кокандского ханства. Взятие Ташкента – хотя за него выступал Катенин в 1858 году, Безак в 1861-м и Игнатьев в 1858-м и 1863-м – не было необходимым для создания единой непрерывной границы и потому не было одобрено Петербургом. После того как пришли сообщения, что атака Черняева не принесла успеха и его войска отступили, Горчаков 31 октября 1864 года попросил императора издать приказ о запрете любых дальнейших изменений на русской границе и об отказе от идеи дальнейших завоеваний в Центральной Азии.

21 ноября Горчаков дал ясное объяснение мотивов, которые привели Россию к расширению ее границ до окраин оседлых территорий Центральной Азии. В циркуляре, разосланном российским дипломатическим представительствам за рубежом, он заявлял: «Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает, прежде всего, с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению. По достижении этого результата эти последние приобретают более спокойные привычки, но, в свою очередь, они подвергаются нападениям более отдаленных племен». Таким образом, цивилизованное государство вынуждено создавать укрепленные посты, все больше углубляясь в территорию кочевников. При этом «азиатские народы, по преимуществу, уважают только видимую и осязательную силу». «Такова была участь всех государств, поставленных в те же условия.

Соединенные Штаты в Америке, Франция в Африке, Голландия в своих колониях, Англия в Ост-Индии – все неизбежно увлекались на путь движения вперед, в котором менее честолюбия, чем крайней необходимости».

Затем русский министр иностранных дел перечислил три вещи, которых Россия хотела бы избежать: 1) «продолжения состояния беспрестанных беспорядков»; 2) необходимости периодических дорогостоящих карательных экспедиций, не дающих продолжительного результата; 3) покорения одного за другим беспокойных мелких независимых государств, что означало бы «неопределенный характер завоеваний и аннексии, подобный тому, которым Англия получила империю в Индии». Цель России состояла скорее в создании фиксированной непрерывной укрепленной границы, расположенной в достаточно плодородных землях, которые смогли бы обеспечить продовольствием колонистов, необходимых для стабильности и процветания оккупированной территории.

Горчаков противопоставлял кочевые и оседлые народы как соседей и возражал против завоевания последних: «Кочевые племена, которые невозможно ни захватить, ни наказать, ни заставить поддерживать порядок, являются для нас самыми неудобными соседями. С другой стороны, население, занятое сельским хозяйством и торговлей, привязанное к земле и обладающее более развитой общественной организацией, дало бы нам шанс получить соседей, с которыми можно вступить в определенные отношения. Следовательно, наша пограничная линия должна поглотить первых и остановиться, не затрагивая последних... Любое расширение этого правила на случай встречи уже не с кочевыми племенами, а с государствами, имеющими более упорядоченную структуру, потребовало бы существенных усилий и вело бы нас от аннексии к аннексии с непредсказуемыми последствиями». В заключение министр иностранных дел выразил надежду, что Россия окажет благотворное влияние на цивилизационную отсталость и политическую нестабильность государств, которые стали ее новыми соседями. Он также пообещал, что хотя Россия жестко наказывает злодеяния своих соседей, она проявляет умеренность и безусловное уважение к их независимости.

Было бы неверно отвергать как лицемерное обоснование, данное Горчаковым новой русской границе 1864 года, и его заявление, что Россия достигла предела своей экспансии в Центральной Азии. Политические директивы и действия императора и министра иностранных дел как до, так и после ноября 1864 года указывают, что циркуляр Горчакова был точным отражением официальных мотивов и намерений Петербурга. Лорд Август Лофтус, британский посол в России в 1872 году, определил эти намерения следующим образом: «Я считаю, что император и императорское правительство стремится избежать расширения российской территории в Центральной Азии и в то же время желает получить полный контроль над мелкими государствами, из которых она состоит... Насколько я могу понять, цель русского правительства заключается в том, чтобы, избежав проблем, добиться всеобъемлющего влияния в Туркестане, мирно договорившись с некоторыми из нынешних правителей этих государств». Таким образом, политика Петербурга состояла в установлении контроля и влияния через местных правителей, а не с помощью прямой аннексии.

Однако было бы неверно полагать, что Александр II и князь Горчаков являлись принципиальными противниками того, что последний обозначил как «неопределенный характер завоеваний и аннексии, подобный тому, которым Англия получила империю в Индии». Скорее их сдерживали «специальные расходы», «существенные усилия» и «непредсказуемые последствия», к которым привела бы эта политика для страны, ослабленной десятилетием военных и дипломатических поражений и внутренних преобразований. Несмотря на то что они с энтузиазмом аплодировали, когда какой-нибудь способный командир вроде Черняева шел на риск и добивался успехов имеющимися у него силами, они упорно не давали разрешения на военное наступление или политические шаги, сопряженные с большим риском или большими затратами.

События следующего десятилетия, когда Бухара и Хива были частично аннексированы и приведены в состояние зависимости от России, а Коканд был по частям включен в состав Российской империи, не противоречат этим утверждениям. Горчаков был виновен не в лицемерии, а в непонимании того, как трудно сделать из центральноазиатских ханств добрых соседей. Кроме того, он не признавал невозможности удержать амбициозных командиров действующей армии, находящихся за две тысячи миль от столицы и вне доступа к телеграфу и железной дороге, которые не утруждали себя умеренностью и уважением к независимости ханств. На протяжении периода завоеваний русское правительство настаивало на соблюдении принципов горчаковского циркуляра, хотя на практике Петербург часто с готовностью оправдывал *faits accomplis* (свершившиеся факты. – *Пер.*) отступления от этих принципов. Конечным результатом был компромисс между осторожностью, ограничением целей императора и его министра иностранных дел и дорогостоящими планами военных.

Экономические причины завоевания

Несмотря на неоднократные опровержения, теория, что империализм XIX века был продиктован экономическими мотивами, продолжает находить поддержку не только у советских историков, принимающих сочинения Ленина на эту тему как Евангелие. Из-за того, что почти все последние историки, изучавшие русское завоевание Центральной Азии, были советскими учеными, этот эпизод империалистических действий неизменно подается как следствие экономических соображений. «Интерес правящих кругов к Средней Азии, – утверждают они, – усилился в 50-х и 60-х годах, когда Россия вступила в капиталистический период своей истории». Россия превращалась в «буржуазную монархию», где на политику правительства внутри страны и за рубежом все сильнее влияли интересы капиталистов. Русские капиталисты хотели получить Центральную Азию в качестве колонии, поскольку этот регион уже стал ценным дополнением к ограниченному внутреннему рынку России для продукции русской легкой промышленности и был важным источником поставок хлопка-сырца. Таким образом, «экономический контроль» над Центральной Азией «стал исторической необходимостью для русского капитализма». Иными словами, «аннексия Центральной Азии отвечала потребностям роста русского капитализма „в ширину“». Независимо от того, примет ли советская историография в будущем менее догматический взгляд на этот предмет, западные историки должны рассматривать вопрос экономической мотивации более сбалансированно.

Самым важным экономическим элементом, связывавшим Россию и центральноазиатские ханства накануне завоевания, был хлопок. К 1850-м годам русская текстильная промышленность достигла такого уровня развития, что производила собственное волокно и, как следствие, зависела от импорта хлопка-сырца, поэтому хлопок-сырец из Центральной Азии получил в России готовый рынок сбыта. К 1860-м годам хлопок-сырец составлял 31 % от общей стоимости русского импорта из центральноазиатских ханств. В то же время русская текстильная промышленность быстро развивалась не только как потребитель хлопка-сырца, но и как производитель изделий из хлопка на экспорт, из которых 95 % продавалось в Азии. В 1860 году готовые изделия из хлопка составляли 53 % общей стоимости российского экспорта в центральноазиатские ханства.

До Гражданской войны в США крупнейшим единоличным поставщиком хлопка-сырца в Россию являлись Соединенные Штаты. Во время войны, когда северяне заблокировали порты конфедератов, сорвав экспорт хлопка, важность Центральной Азии как альтернативного источника поставок многократно возросла. В 1862 году, когда влияние войны в Америке впервые стало ощущаться в полной мере, цена на центральноазиатский хлопок на русском рынке утроилась по сравнению с 1860 годом. К 1864 году она выросла еще вдвое. Производители из Центральной Азии увеличили площади, отведенные под хлопок, и стоимость хлопкового экс-

порта ханств в Россию выросла с 713 000 рублей в 1860 году до 6 521 000 рублей в 1864-м. Хлопок-сырец в 1864 году составил 85 % от всей стоимости центральноазиатского экспорта. Однако с учетом постоянного роста цен на хлопок более показательными являются количественные показатели российского импорта хлопка-сырца из Центральной Азии. Этот импорт вырос с 174 059 пудов в 1860 году до 459 000 пудов в 1864-м. Он составлял всего 6 % от общего импорта хлопка из всех источников в 1860 году, и вырос до рекордных 40 % в 1862-м (в то время как импорт из других источников снизился на 80 %), и продолжил составлять существенные 28 % в 1864 году. Даже после окончания Гражданской войны в Америке российский хлопковый импорт из Центральной Азии продолжил расти в абсолютных величинах, хотя после возобновления импорта из Америки его относительная значимость снизилась. Русский экспорт в центральноазиатские ханства тоже пережил резкий взлет после того, как граница сдвинулась вперед. С 1863 по 1867 год годовая стоимость русского экспорта в Центральную Азию выросла больше чем втрое, а доля русского экспорта во все страны Азии возросла с 22 до 42 %.

После 1862 года растущая зависимость России от центральноазиатского хлопка и имущества, полученные русской экспортной торговлей, благодаря продвижению русских войск, являются неопровержимыми фактами. Ясно также, что, по меньшей мере, некоторые группы русского промышленного и коммерческого сообщества стремились добиться правительственного акта, закрепляющего их привилегии в Центральной Азии. Дискриминация русских купцов со стороны ханств долгое время являлась камнем преткновения и была устранена только после завоевания. В конце 1850-х годов русские производители и торговцы начали постоянно жаловаться в Министерство иностранных дел на дискриминационные пошлины в ханствах, с помощью которых вся торговля оставалась в руках местных купцов. В 1862 году, когда хлопок из ханств приобрел особую значимость для русской промышленности, за прямое государственное вмешательство в Центральной Азии стал мягко выступать даже такой влиятельный журнал, как «Русский вестник» М.Н. Каткова. В начале того же года пятнадцать крупнейших купцов подали прошение в Министерство финансов с просьбой открыть в Бухаре консульство для защиты интересов русских подданных. Несмотря на скептицизм министра иностранных дел по поводу получения от эмира гарантий нормального функционирования консульства в соответствии с международным правом, две специальные комиссии изучили этот вопрос и дали положительный ответ. В конце 1864 года дальнейшее обсуждение было отложено по просьбе Азиатского департамента, ожидавшего урегулирования отношений России и Бухары.

Хотя накануне завоевания значение центральноазиатского хлопка для России существенно возросло и заметно усилились настроения в пользу продвижения вглубь Центральной Азии для защиты и продвижения интересов русских промышленников и торговцев, влияние этих факторов на формирование политики было минимальным. История обсуждений, которые привели к завоеванию, и самого завоевания указывает, что ни для столицы, ни для военного командования экономические соображения не имели большого значения. Примером может служить М.А. Хлудов, владелец одной из крупнейших в России хлопкопрядильной фабрики и главный российский экспортер в Центральную Азию, приехавший в Бухару в 1863 году и в 1867-м сообщивший правительству об условиях, в которых находилась торговля в период непрочного перемирия с Бухарой. Хлудов отметил, что Центральная Азия представляет собой исключительно прибыльный рынок для русских товаров, но торговля за пределами областей, подконтрольных русской администрации, представляет опасность для русских купцов. Его заключение сводилось к тому, что «нам будет очень трудно конкурировать [с англичанами] даже под защитой наших властей, и совершенно невозможно без нее». Не согласившись с выводами Хлудова, П.Н. Стремоухов, занимавший с 1864 года пост директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел, отмечал, что русские получили бы несомненное

преимущество, если бы стали «полновластными хозяевами Центральной Азии, но для рационального решения этого вопроса коммерческие соображения могут считаться только одним из условий, важным, но не первостепенным». За пять лет до этого Министерство иностранных дел отказало в подобном прошении о государственной поддержке торговли в Центральной Азии, поданным одним из знатоков русского хлопкового производства, безоговорочно заявив, что «правительство может принимать во внимание только интересы государства». Короче говоря, существовал целый комплекс причин, подталкивавших Россию в направлении Центральной Азии: создание безопасной границы, провокации со стороны нестабильных соседей, страх оказаться вытесненной с этой территории Англией и соблазн обрести новые дипломатические рычаги, экономическую выгоду и военную славу.

Глава 2

Покорение Бухары

Проблема Ташкента

До конца 1864 года территориальные приобретения России в Центральной Азии делались исключительно за счет Коканда. Однако интересы Бухары были тесным образом связаны со всем, что касалось ее соседа и традиционного соперника, особенно с тех пор, как в 1864 году хан Коканда Худояр стал эмиром бухарского вассала и его шурином. В 1865 году эмир Музаффар ад-Дин (1860–1886) решил извлечь пользу из того, что его вассал охвачен гражданской войной и иностранной интервенцией, и захватить районы, которые долгое время являлись предметом спора между Бухарой и Кокандом. Ташкент – единственный город в Центральной Азии, способный соперничать с Бухарой по размеру и коммерческой важности, – быстро оказался в фокусе противоречивших друг другу амбиций русских и бухарцев. Так начались три трудных года русско-бухарской враждебности и вооруженного конфликта.

В начале 1865 года Петербург придерживался в Центральной Азии политики, публично заявленной министром иностранных дел Горчаковым прошлой осенью. В отношении непосредственно Коканда или Ферганской долины Горчаков интерпретировал эту политику как строгое невмешательство. Россия должна была избегать «любого вмешательства во внутренние дела этого ханства», поскольку такая линия привела бы к нежелательному вовлечению в его внутренние проблемы, длительной войне и нежелательным завоеваниям. Только нарушение границ России или ее торговых интересов могло оправдать вооруженную интервенцию в Коканд, но «даже тогда военные действия не должны вести к приобретению новой территории». Невмешательство во внутренние дела ханств до тех пор, пока они ведут себя мирно и послушно, оставалось основополагающим принципом политики России вплоть до 1917 года.

Однако в отношении Ташкента Горчаков применял свою политику довольно странным образом. Поскольку Россия и Коканд по-прежнему находились в состоянии войны, так и не достигнув договоренности о границе, Горчаков не вполне противоречил себе, поддерживая отделение Ташкента от Коканда. Независимый Ташкент, чье подчинение России гарантировала «близость наших вооруженных сил», стал бы в случае необходимости удобной базой для дальнейших действий против как Коканда, так и Бухары. Он мог бы служить буфером против неожиданных нападений любых других ханств и принес бы пользу русской торговле. Горчаков предложил, чтобы Россия добивалась «независимости» Ташкента, сначала подталкивая жителей к восстанию против Коканда, а затем, бросив туда русские войска, чтобы обеспечить восставшим быструю победу. Однако Россия должна была избежать оккупации Ташкента в соответствии с решением Петербурга о недопустимости дальнейших завоеваний. Цель Горчакова получить номинально независимый Ташкент под русским влиянием стала образцом будущих отношений с тремя созданными ханствами. Но сначала этим государствам следовало продемонстрировать эффективность русского оружия как инструмента контроля.

Схема русской политики, предложенная министром иностранных дел, должна была стать руководством для генерал-майора М.Г. Черняева. Черняев получил назначение на пост военного губернатора Ташкентской области, сформированной 12 февраля 1865 года из территорий, которые были завоеваны, начиная с 1853 года, и подчинявшейся недавно назначенному генерал-губернатору Оренбурга генералу Н.А. Крыжановскому. Сгорая от нетерпения, Черняев рвался возобновить атаку на Ташкент, потерпевшую неудачу в октябре прошлого года. 22 января 1865 года Черняев писал из Чимкента своему близкому другу полковнику В.А. Полторацкому, служившему в Генеральном штабе: «Когда ты приедешь сюда, то сам увидишь, что

атака на Ташкент не настолько немыслима, как пытаются представить мои друзья в Петербурге. Если бы не данные мне предписания, я уже сейчас выгнал бы кокандцев из этого маленького городка... Здесь нам кажется неправильным оставлять в Ташкенте кокандский гарнизон, и мы убеждены, что нам в Чимкенте было бы спокойней, если бы этот город стал автономным или принадлежал нам, хотя, конечно, им в Петербурге виднее». Когда Крыжановский передал Черняеву горчаковские инструкции вместе с собственным наставлением «оказывать моральную поддержку» сепаратистской партии в Ташкенте и «направлять свои усилия на формирование в Ташкенте государства независимого от Коканда и Бухары, но находящегося в вассальной зависимости от России», Черняев получил все разрешения, которые ему требовались. 24 апреля он выступил на Ташкент, утверждая, что концентрация бухарских войск в Самарканде и Ура-Тюбе представляет непосредственную угрозу Ташкенту. Обнаружив, что за прорусской партией слишком плотно следит кокандский гарнизон, чтобы она могла служить эффективным инструментом русской политики, Черняев 7 мая осадил Ташкент.

Через несколько дней Черняев под свою ответственность начал переговоры с Бухарой, стремясь «отвлечь эмира от попытки вмешательства в дела Ташкента и повернуть его действия в другом направлении, более соответствующем нашим интересам». В своем письме эмиру Черняев заявил, что Александр II велел ему не переходить Сырдарью, но хотел, чтобы для обеспечения спокойствия и порядка эмир оттеснил Коканд к югу от реки. Далее русский командующий обещал, если Музаффар пожелает, испросить разрешения императора на отправку русских войск в помощь этой операции, и оставил на усмотрение эмира вопрос, следует ли Худояру продолжать сидеть на троне Коканда.

13 мая Черняев написал Крыжановскому, предлагая, чтобы Россия использовала Сырдарью как свою естественную границу и согласилась с оккупацией Бухарой Южного Коканда, чего, по его утверждению, Россия все равно не могла избежать на данный момент. Он также просил разрешения начать переговоры с эмиром по этому вопросу. Просьба Черняева санкционировать его действия была всего лишь формальностью, поскольку он уже написал Музаффару и в любом случае не мог бы ждать два месяца, необходимых для получения ответа из Петербурга. Ответ правительства, представлявший чисто академический интерес к тому времени, когда он в конце июня – начале июля дошел до Черняева, состоял в том, что оккупация эмиром остатков Кокандского ханства рассматривалась бы как враждебный акт в отношении России и привела бы к приостановке торговли Бухары с Россией. Несмотря на то что сама Россия не стремилась к дальнейшим территориальным приобретениям, она, по-видимому, ничего не имела против усиления одного из своих соседей за счет другого. Петербург воспользовался этой возможностью, чтобы подчеркнуть, что и Ташкент, и Коканд должны остаться незатронутыми русской оккупацией. Их нужно сохранить как независимые государства под русским влиянием, чтобы, таким образом, гарантировать спокойствие русских границ и безопасность своей торговли. Оказавшись перед лицом правительственного неодобрения, Черняев в своем рапорте от 6 августа преуменьшил значимость предложения, которое он сделал эмиру, утверждая, что Россия в любом случае не смогла бы предотвратить захват Бухарой Южного Коканда, а русское обещание военной поддержки Россию ни к чему не обязывает. Отправленное в мае письмо Черняева эмиру по какой-то необъяснимой причине дошло к нему с большим опозданием. Тем временем пробухарская партия добилась контроля в Ташкенте и вступила в контакт с Музаффаром. Встревоженный намерениями русских, эмир пошел на Ходжент и захватил город. Но 17 июня Ташкент сдался Черняеву, и в нарушение приказов там разместился русский гарнизон. По словам Черняева, это было сделано, чтобы не допустить междоусобиц и защитить город от Коканда и Бухары.

Тем временем Петербург обдумывал свою будущую политику в отношении Бухары. В течение мая Министерство иностранных дел совместно с генералом Крыжановским подготовило проект требований, в котором настоятельно просило Бухару вести себя как добрый сосед

и обеспечить русским купцам «полную безопасность и сохранность их собственности; право свободно торговать во всех городах Бухарского ханства; такие же таможенные пошлины, как у подданных Бухары, и равные с ними права в бухарских судах». Россия по-прежнему требовала от Бухары не больше, чем в прошлые десятилетия.

Разрыв с Бухарой

Прямо перед падением Ташкента, но после того, как Музаффар захватил столицу Коканда и восстановил Худояра на троне, он отправил посольство к Александру II с просьбой установить границу между Россией и Бухарой. В ожидании ответа Бухара потребовала от Черняева, чтобы он отошел как минимум в Чимкент. В ответ на попытку эмира решить дело непосредственно с Петербургом Черняев приказал арестовать всех подданных Бухары и конфисковать все бухарские караваны в Ташкентской области. Затем он попросил свое начальство распространить эти меры на всю Российскую империю. Крыжановского сильно обеспокоило положение, в котором он оказался из-за действий Черняева. Опасаясь недовольства Петербурга, он тем не менее предпочел распространить аресты на Оренбургское генерал-губернаторство, чем отменить приказ Черняева, заставив его потерять лицо в глазах местных жителей и открыв им отсутствие единства среди русских. В результате в генерал-губернаторстве было арестовано 138 бухарских торговцев. Еще до того, как Музаффар узнал об их аресте, он наконец получил первое письмо Черняева и выразил свое удовлетворение, послав русскому командующему подарки с единственной просьбой, чтобы русские не переходили реку Чирчик, которая могла бы служить временной границей, пока бухарское посольство не получит ответ из Петербурга. Черняев не дал положительного ответа, возможно, потому, что Ташкент зависел от поставок зерна из района, расположенного к югу от Чирчика. Когда эмир узнал об аресте своих подданных, его пыл заметно охладел, и он немедленно отправил посольных с требованием освободить их.

Петербург был недоволен, что Черняев предпринял такой важный шаг, даже не объяснив причин, но в то же время исполнился решимости не уступать Музаффар ад-Дину ни дюйма. 23 июля Горчаков пожаловался на действия Черняева военному министру Милютину, хотя подтвердил: «Мы не можем сейчас отступить. Склониться перед эмиром было бы немислимо». Министерство иностранных дел чувствовало, что ситуация стремительно ускользает из рук гражданских властей, переходя в руки военных, но его беспокоило только, чтобы армия была уверена в своих силах, когда дело дойдет до столкновения с Бухарой. Несмотря на то что приказы Черняева и Крыжановского получили подтверждение, в ожидании поступления дальнейших указаний их действие ограничились Оренбургским генерал-губернаторством. Уведомляя об этом Крыжановского, Милютин добавил, что «необходимо любой ценой обеспечить наше влияние и сохранить наше достоинство». 29 июля военный министр разъяснил политику правительства в отношении Бухары на длительную перспективу: «Честь империи и интересы России не позволяют нам даже рассматривать возможность отступления или уступок высокомерным требованиям эмира Бухары. Наше будущее во всей Центральной Азии зависит от той позиции, которую мы займем в отношении Бухары, и Его Величество Император надеется, что ваше превосходительство не преминет приложить все усилия для поддержания чести России и нашего влияния в Центральной Азии». Там же Милютин передал Крыжановскому предостережение Горчакова использовать силу только в крайнем случае и избегать любых военных поражений, которые могут ударить по престижу России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.